

УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

В.Б. Смирнов

Писать о Максиме Матвеевиче Загорулько мне трудно — как-будто решать уравнение со многими неизвестными. Трудно потому, во-первых, что мне чужд дух юбилейной иконописи: даже у мастеров суздальской кисти божьи лики имеют много общего, а тут фигура, далекая от святости. Во-вторых, сложен до противоречивости не только склад личности Максима Матвеевича, но и сам психологический тип человека, родившегося в самые ранние послереволюционные годы и вместившего в себя все духовные напластования восьми десятилетий русской истории — от Гражданской войны до «крутых переломов», от Великой Отечественной до всевозможных «похолоданий» и «оттепелей», перекроек-перестроек, либерализаций-демократизаций и прочих акций, зачастую трудно поддающихся разумению даже самих «властителей», затевавших их, коих за годы, прожитые М.М. Загорулько, даже при самом беглом подсчете сменилось с десяток. Казалось бы, засверкали зори коммунизма, да потом стали плохо видны из бездны плутократизма, в которую свалилась страна, ступив на рыночный путь развития. Эта духовная чересполосица не могла не сказаться на личности.

Дерево и то может сломаться под гнетом всех социальных и психологических перегрузок, органически связанных между собой, а что уж говорить о человеке, который вынужден реагировать на них душой и сердцем и сохранять способность трудиться эффективно, с полной отдачей сил. Не сломаться самому и не сломать судьбы других. За второе ручаться не могу, за первое ручаюсь. Максим Матвеевич по сей день полон жизненной энергии, творческих замыслов и продуктивных идей, как почти четверть века назад, когда в жарком июле 1980 года я впервые встретился с ним.

Об открытии университета в Волгограде я узнал случайно от одного из уфимских профессоров, побывавших на конференции в Волгоградском пединституте. Докторская диссертация дожидалась своей очереди в Ин-

ституте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Приглашали на работу в Ленинград, Саратов, Калининград, Ярославль и другие города. Мне же хотелось вернуться в Волгоград, где я родился.

Отправил письмо ректору-первогодку Волгоградского университета, рассказал о себе. Получил ответную телеграмму с приглашением на переговоры до каких-то (сейчас не помню) чисел июля. Сообщил телеграммой точную дату прилета. Поехал на «смотрины» в костюме. Четырежды пропотел, пока добрался из аэропорта. Ректора не было, хотя проректор заверил, что он непременно будет. Просидел в приемной час. Другой, третий — ситуация прежняя. Досидел до трех часов дня, потом подумал, что, наверное, никто меня здесь не ждет, а надо мной не каплет (да и себя уважать надо), решил, что вечерним теплоходом поеду в Саратов, на воссоединение с отдыхающей там женой, и отправился к другу — телевизионщику, с которым вместе учились в Саратовском университете и у которого я накоротке остановился. Правда, на всякий случай оставил проректору Волчкову домашний телефон друга. На всякий случай.

Только накрыли стол, разложили приборы, достали из холодильника запотевшую бутылочку — звонок Волčkова: Максим Матвеевич в 17 часов ждет Вас там-то и там-то, где-то в районе областной библиотеки. Встретились. Весьма лаконичное извинение, свидетельствовавшее о том, что мое ожидание вызвано не только максимальной загруженностью конфиденнта, но и является своего рода психологическим тестом. Пришел на встречу я, разумеется, не в лучшем расположении духа, но «волнения страсти» унял и тест, видимо, выдержал, потому что в течение часа все вопросы были решены. Позднее сам, любящий исподволь наблюдать за людьми в различных психологических ситуациях, я не раз замечал, что М.М. Загорулько любит в разговорах запускать «зонды»-тесты, на которых простодушные люди зачастую прокалывались.

Начали работать. Уравнение со многими неизвестными не поддавалось быстрому решению, тем более что общение с ректором было сугубо официальным: каждый был настороже. До этого я трижды избирался секретарем парткома Башкирского пединститута, не был заражен пиетизмом по отношению к первым лицам и испытывал необъяснимое тяготение к справедливости. Если что-то в работе вуза меня не устраивало, я говорил об этом с «ленинской прямоотой». Сталинский психологический стереотип почему-то во мне не прижился, а у Максима Матвеевича он стал основой характера. К тому же я не знал, что единоначалие предполагает мелочную регламентацию деятельности подчиненного. Начались трения, которые существенно омрачили первые годы моего волгоградского существования. Я мог, например, на партийном собрании в присутствии заведующего отделом обкома партии усомниться в правильности оценок, поставленных на вступительных экзаменах абитуриентам из Прибалтики, Грузии, нефтеносного Севера и других мест, не самых близких к степным просторам Волги и Дона. Не каждому руководителю такое может понравиться.

Были и доброхоты-следопыты, проложившие дорогу к сердцу Максима Матвеевича.

Собрались при кафедре создать литературный кружок «Зеленая лампа», как в пушкинские времена. И лампу уже купили. Крамолы в этом я не видел. Это сейчас можно было бы упрекнуть меня в мусульманском экстремизме. Тогда кто-то подсказал ректору мысль, что в этом кружке принимали участие будущие декабристы. Во избежание рево-

люционных настроений несостоявшийся кружок запретили, хотя я и предлагал сделать абажур красным.

Дальше — больше. Хотели провести на факультете межвузовскую конференцию, посвященную 125-летию со дня рождения народнического литературного критика А.М. Скабичевского. Доброхоты-следопыты, видимо, донесли до ректора мысль о том, что народничество пахнет террором... Конференцию прихлопнули.

Я не терял надежды, что «взойдет желанная заря» и без моих посягательств на основы, веруя в мудрость Максима Матвеевича. Я никогда не держал на него зла, стараясь понять и объяснить его действия. И, когда он тоже понял, что я не собираюсь, выражаясь щедринским слогом, практиковать либерализм в самом капище антилиберализма, отношения наши вошли в нахоженную — уважительную с обеих сторон — колею. Мы совместно работаем в различных общественных советах и комиссиях, и я не перестаю удивляться его энтузиазму, оптимистическому настрою, устойчивости на постоянно зыблущейся почве современного государственного жизнестроительства, хотя прекрасно понимаю, какие драматические коллизии ему пришлось пережить за последнее десятилетие. Для человека без основ жизнь проходит неизмеримо легче, но такому человеку и цена грошь.

Истинную же цену М.М. Загорюлько в полном объеме определит история. И я не спешу суммировать итоги его жизни. А решение уравнения со многими неизвестными начинает доставлять все большее удовольствие.